

**ДОДИ
БЕЛЛАМИ**

БУДДИСТ

Доди Беллами
Буддист

«ВЕБКНИГА»

2011

Беллами Д.

Буддист / Д. Беллами — «ВЕБКНИГА», 2011

ISBN 978-5-6048611-2-7

В основу этой книги лег блог Доди Беллами 2010–2011 годов, в котором писательница документировала свои попытки раз и навсегда освободиться от неудачного романа с неназванным буддийским гуру. Публичный эксперимент, в котором сошлись юмор и уязвимость, жизненный опыт и готовность раз за разом наступать на одни и те же грабли, становится мощным противоядием от стыда и поводом поразмышлять о писательской практике. Беллами – крупная фигура литературного авангарда Сан-Франциско 80-х и одна из главных авторов «Нового нарратива» – щедро вписывает в текст своих друзей и коллег, а также вдохновляющих ее творческих фигур от Сильвии Плат и Бесси Смит до Евы Гессе и Айлин Майлз, утверждая право женщины* быть откровенной и неумеренной, желать, злиться и не оправдывать ожиданий.

ISBN 978-5-6048611-2-7

© Беллами Д., 2011

© ВЕБКНИГА, 2011

Содержание

Буддист	7
Belladodie	9
* Мой человек *	9
* Публикация из сердца *	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Доди Беллами Буддист

Бхану и другим сестрам – головам одной гидры

*как существо, чья неизменная мантра – «всегда мало/всегда мало/
всегда мало»
– буддист*

DODIE BELLAMY
THE BUDDHIST

ALLONE CO. EDITIONS

© 2011 Dodie Bellamy

© Полина Лобанова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2023

Буддист

Я откидываюсь на спину, моя задница – в воздухе, пизда обращена к потолку, и он вторгается в меня. Мы ни разу не видели друг друга до вчерашнего дня, и вот, пожалуйста: женщина средних лет и средних лет Буддист вместе кричат в отеле Kabuki. Как это случилось? Спасибо интернету. Оказавшись внутри, он приподнял мою задницу, просунул руки мне под ноги и закинул их назад, по обе стороны от моей головы. Я не могу не думать о паукообразной женщине, которую видела в кино, одержимой из фильма про экзорцизм – грудь к небу, голова запрокинута назад, – отталкиваясь от пола руками и ногами в какой-то паучьей позе йоги, она перемещается со сверхъестественной скоростью. А может, из «Дракулы», постмодернистской версии, где Ренфилд сначала поедает насекомых, а потом сам становится одним из них. Смазки нет, поэтому адски больно. Я вспоминаю, как читала о похотливом учителе-буддисте, который трахал своих учеников без смазки, и думаю: может, трахаться без смазки – это такая буддистская причуда, чтобы не приукрашивать реальность? Он толкается глубже – АЙ! – на прошлой неделе я ужинала с коллегой, и она спросила, неужто я и впрямь собралась при нем раздеваться, в моем-то возрасте? Она поморщилась над тарелкой с жареным морским окуном и сообщила, что ни за что бы не решилась на такое. Она рассказала мне, как вместе с еще одной поэтессой они однажды придумали комбинезон с четырьмя стратегически расположенными отверстиями, который могли бы надевать стареющие женщины, у которых есть любовники. Конечно, добавила она, мы все занимались анальным сексом, когда были моложе, но больше не собираемся, так что там дырка не нужна. Высокое горло комбинезона закрывает шею и подбородок, заканчиваясь чуть ниже губ. Два небольших отверстия на груди, чтобы соски торчали наружу, но ареолы были закрыты. Коллега нахмурилась. «Когда стареешь, они растягиваются. Никто не захочет на это смотреть». И, наконец, щель для гениталий, но не слишком широкая, чтобы не свисали половые губы. Этот наряд она называет постменопаузальной буркой для секса. И я спросила, что, половые губы правда обвисают? Она сказала, да, и мужские яйца тоже, это всё гравитация. Никогда не замечала, сказала я, надо взглянуть. Возможно, будь я возбуждена сильнее, смазка бы не потребовалась. Не то чтобы я раньше не трахалась в этой позе, но не с первого же раза, не сразу после того как он вошел, можно было бы как-то сначала освоиться на ровной поверхности кровати; хоть немного страсти и слюнявых нежностей, постепенно. Буддист однажды написал мне: не так важно, какими мы были в прошлом, с другими людьми, это не имеет никакого отношения к тому, какие мы сейчас, друг с другом, так что, возможно, у него иное восприятие истории, и эта ебля не имеет ничего общего с еблей в прошлом – АЙ, АЙ, АЙ! – так зачем мне всё это надо? Потому что я такой человек: нужно мне что-то или нет, я давлю до упора. Именно так я в итоге впервые вышла замуж. Мой первый муж был невозможно милым, он мог сидеть на скамейке в парке Золотые Ворота, такой тихий, в таком единении с природой, что по его рукам и плечам лазили белки. Он был немногословен, с трудом сводил баланс чековой книжки и то и дело приносил в кровать беличьих блох, но я надавила, и он на мне женился. Из сотен электронных писем и многочасовых звонков я знаю, как Буддист уязвим, где у него чувствительные места, как одиноко ему бывает во время ретритов; он признавался, что даже люди, знакомые с ним по тридцать лет, не знают его так, как я. Я знаю его историю отношений, его детские травмы, его культурные предпочтения и антипатии – в музыке, книгах, теории. Мне известна его любовь к поэзии Джека Спайсера и то, как на ретритах этим летом он садился за руль и целый час ехал в Whole Foods за гуакамоле и салатом с креветками, которые потом ел в своей комнате в полном одиночестве, и то, насколько сильна и знаменательна наша связь – словно мы были близки в прошлой жизни, а может, и в нескольких. Я знаю, как он планирует день в зависимости от расположения планет. Но я не знала, что он женат, пока не прочитала об этом в статье на сайте New York Times. Странноватый на

фотографиях, он красив вживую. Он сдержан, ухожен, властен, он излучает суперпрофессионализм, который выше любых представлений о классовом происхождении, расе, регионализме – прямо как Джордж Клуни в том фильме, где он летает туда-сюда и увольняет людей. Человек, для которого секс в отеле – обычное дело. Вниз головой, с болтающимися в воздухе ногами, я похожа на орхидею, свисающую с ветви баньяна во флоридском ботаническом саду, на инопланетный белый цветок с розовой сердцевинкой, мерцающий в будничном гостиничном свете. Всякий раз, когда он рассказывает, как посетил ступу, высокое остроконечное буддийское святилище, мне кажется, что это слово звучит как ступка, – он толчет меня своим пестиком, – он говорил, что ступа имеет какое-то отношение к геомантии, что для нее выбирают такое место, чтобы она притягивала космические силы, как магический жезл, а еще у него эти бусы, двойная нитка, буддийский оберег – так что, может быть, моя задница в воздухе имеет для него какое-то особое значение. Словно это что-то тантрическое? Священная поза ступки? У него хороший член, не гигантский, но средне-большой, толстый, овальной формы, не жилистый, прямой – красивый крепкий член, – но я не знаю, как впустить его в этой позе; может, мне выгибать спину, как рыбке, да, думаю, стоит попробовать – станет ли тогда моя пизда двигаться в нужном направлении? Паря высоко-высоко надо мной, словно инопланетный космический корабль, погружающий зонд в земную женщину, Буддист смотрит вниз нежным и влюбленным взглядом и засаживает еще резче, я тарашу глаза от боли, и у него падает прямо там, внутри меня. Я такой человек: давлю и давлю, пока всё не ломается.

Belladodie

* Мой человек *

19/9/10

Затухание

Сажу на кровати, готовлюсь к занятиям. День спокойный, но угнетающе душный. Я не писала в блог, потому что в последнее время мысли парят где-то еще, совсем в другом месте. Сейчас я цепляюсь за прошлое, тоскую по ситуации, которая, похоже, от меня ускользает. Ну, вы понимаете: кто-то появляется в твоей жизни, и ты как заново родилась. Одиночество испаряется, одиночество – просто точка вдаль на горизонте, одиночество тебе больше не угрожает. А потом всё резко меняется, и между тобой и твоим человеком возникает серьезная преграда. Твой человек пресекает любые попытки обсудить проблему, и тебе ничего не остается, кроме как устремиться к пугающему горизонту. Кажется, моя решимость колеблется, но я перечитываю позавчерашнее письмо, где мой человек высмеивает мою уязвимость, и обещаю себе, что продолжу движение к горизонту. Эта до абсурда развернутая метафора напоминает мне об одной из «Утерянных картин» Бруно Фаццолари, которые сейчас выставляются у Маргарет Тедеско в галерее [2nd floor projects].

В эссе, опубликованном в каталоге выставки, Кевин пишет о том, как Бруно обращается с горизонтом:

Как и в других его работах, горизонт находится скорее внутри пейзажного, нежели портретного пространства. Мы видим уже знакомый низкий горизонт, который делит лист в пропорции один к четырем – не самой приятной глазу, однако именно ее часто использовали Тёрнер и другие художники, изображая огромные затянутые тучами небеса, – под тяжестью неба земля сжимается, словно израненная. Вот здесь проходит линия горизонта – полагаю, это слово следует брать в кавычки, потому что горизонтом ее сочтет лишь ленивый ум, – так вот, эта линия драматично прервана, разорвана пополам, или, возможно, перед нами оптическая иллюзия, вызванная тем, что художник нанес здесь желтую краску – яркий всплеск цвета, который можно сравнить с бушующим пламенем.

Мне нравится эта фраза: «под тяжестью неба земля сжимается, словно израненная». Вот что я чувствовала на открытии выставки Бруно вчера вечером – боль в моем сердце была необъятной, как небо. Художник Колтер Джейкобсен стоял в коридоре снаружи. Колтеру можно доверять, поэтому с ним я говорю откровенно. Колтер рассказывал о своем неумении писать проектные заявки. Когда прошли все сроки, он наконец нашел силы написать две вдохновенные заявки, но они напоминали скорее стихи, чем проектные заявки необходимого формата. Работа принимает форму, которая кажется тебе естественной. Иногда я думаю, что гетеросексуальность – форма, которая мне никогда не казалась естественной. Кевин появился в моей жизни как дар, чтобы это промежуточное состояние оказалось возможным; наш брак напоминает поэзию, а не перегруженную проектную заявку.

Картины Бруно были очаровательны, и сам Бруно был очарователен в своей винтажной синей клетчатой рубашке из вискозы, к которой мне так нравилось прикасаться, ощущая его бицепсы под тканью. Бруно, прости развратницу. Видела Донала Мошера и Майка Палмиери –

они приехали на показ своего документального фильма «Осенняя страна», а также на съемки материала для нового проекта об участниках клинических испытаний и потребителях рецептурных лекарств в городе Санта-Крузе. Это грустный и пугающий проект: капитализм вторгается в тело, чтобы разрушить его.

К концу вечера я вышла из образа суровой страдающей героини и начала получать удовольствие. Была рада видеть Брэдфорда Нордина и Дерика Карнера, которые приехали в город, помимо прочего, еще и на открытие детского магазина одного из их друзей на Валенсия-стрит в районе Мишен. Говорила с художником Мэттом Гордоном и его приятелем Патриком, молодым куратором в Центре искусств Йерба-Буэна. Мэтт ироничен, добродушен и весел, и при этом несколько не навязчив, что кажется мне любопытным. Он может говорить самые диковинные вещи, не моргнув и глазом; меня словно приглашают сыграть в игру, ну вот я и играю. Мастерская Мэтта находится в подвале его дома, и иногда во время работы он включает музыку на полную громкость, чем очень мешает соседям за стеной, но совсем не испытывает угрызений совести по этому поводу. Будь он моим соседом, я бы терпеть его не могла. Как интересно: не чаять души в ком-то, кого при других обстоятельствах возненавидела бы. Меня бы он тоже ненавидел, потому что я бы вела себя с ним как сука. Вспоминаю, как много лет назад я прочитала у Лакана о том, что все отношения – это поиск верной дистанции. Время и память не щадят никого, так что я не претендую на точность. А теперь я снова вспоминаю тот приближающийся горизонт.

* * *

27/9/10

Записки из постели больной

Провела день в кровати с Сильвией и Тедом. С пятницы мне было то плохо, то плоховато, но я всё равно выходила из дома. А сегодня проснулась совсем без сил и никуда не пошла. Отменила занятия, залезла обратно в постель и проспала до двух. Сильные симптомы про-

шли, но я всё еще чувствую себя истощенной и не могу нормально есть. После недели эмоциональных потрясений, достойных иной дивы, я подозрительно спокойна. Смотрю на котов, лежащих на индийском синем пододеяльнике с набивным узором ручной работы, который я купила пару лет назад в Ванкувере, и чувствую удовлетворенность. Как-то раз мы остановились у Скотта Уотсона, и у него в комнате был похожий пододеяльник, так что я отправилась на Коммершл-драйв и тоже купила себе такой. Когда я приехала домой, Сильвия была настолько взбудоражена нашим возвращением и возмущена отсутствием, что, пока я закинула одеяло в пододеяльник, она присела и написала на него. То, что она по-прежнему рядом, – доказательство моей способности любить.

Во вторник вечером Айлин Майлз читала в книжном Modern Times отрывок из нового романа «Инферно». Я уже много раз слышала, как она читает отрывки из этой книги, но мне не надоедает. Публика состояла из юных модных дайков, а также поэтов и художников постарше. После чтений мы с Айлин отправились пить чай в Ritual Cafe, а потом есть тако на ночь глядя. Разговор выдался восхитительно личным: сплетни, отношения, писательские проекты и как со всем этим жить. Когда я рассказывала ей о своих эмоциональных потрясениях, она слушала меня внимательно, с сочувствием. Айлин рассказала о духовных практиках, которыми занялась в последнее время, и заметила, что стоит ей их забросить, как она начинает верить тому, что у нее на уме. На прошлой неделе я размышляла об этой премудрости – не верить каждой возникшей в голове мысли. Я спросила ее, как она справляется с вторжением личного в рабочее пространство – то есть в психологическое состояние потока, необходимое для письма, – и она отреагировала так, будто не поняла вопроса. Похоже, Айлин ничему не позволяет туда проникнуть. Она по-прежнему мой кумир.

В пятницу вечером Кевин и я ужинали с Брэдфордом Нордином в Mystic Cafe на Кастро-стрит. Кастро была забита гуляками, приехавшими накануне открытия Ярмарки Фолсом-стрит¹. Возле трамвайной остановки толпились совершенно голые, преимущественно немолодые мужчины; они слонялись без дела, словно щуплые белые голуби. У некоторых были примечательно длинные члены. Позже, когда мы с Брэдфордом со смехом вспоминали их, Кевин переспросил: «Какие голые мужчины?» А Брэдфорд и я опешили: как он мог не заметить? Не торопясь, мы болтали о фильмах, гомосексуальных художниках и журналах для геев, сплетнях, текстах об искусстве, отношениях. Брэдфорд сказал, что я всегда могу написать ему, если вдруг начну терять из виду жизненные цели, и он поможет мне вернуться в нужное русло. Я попробовала написать в субботу, и он действительно сказал мне взять себя в руки. К тому моменту от дурноты, прежде маячавшей где-то на заднем плане, стало совсем невмоготу и, когда я добралась домой, мои внутренности крутило.

В субботу стало хуже, с самого утра болела голова и подташнивало, но я всё равно собралась и поехала с Кевином в Сокол, что рядом с Санта-Крузом, на свадьбу Сюзи Маркэм и Терри Олсона. Дорога вдоль берега, как и следовало ожидать, была восхитительна. Мне было приятно вспомнить о том триместре, когда я преподавала в Калифорнийском университете в Санта-Крузе и ездила по этому шоссе дважды в неделю: эйфорические пейзажи, горы и прибор. Каждый вечер после занятий я смотрела, как солнце садится за океан. Я наслаждалась жизнью. Нагрузка была небольшой, что тоже было суперклассно. Мой стиль преподавания тогда был более радикальным – вернее, это сейчас моя радикальность проявляется по ситуации, а раньше от нее было некуда деться. С возрастом я стала способна учитывать разные точки зрения помимо «такая уж я, нравится вам это или нет». Хотя в некоторых ситуациях – и сейчас

¹ Ежегодный уличный БДСМ-фестиваль. – Здесь и далее приводятся примечания редакторки.

это мучительно больно признавать – позиция «такая уж я, нравится вам это или нет» мне бы не помешала.

На свадьбе мы с Кевином были в компании поэтов Брента Каннингэма, Мелиссы Бенэм и Синтии Сейлерс. Это уже третья свадьба за год, на которой оказались мы впятером: сначала свадьба Брента и Мелиссы, потом Стефани Янг и Клайва Уорсли, и вот теперь – Сюзи и Терри. С каждой свадьбой доля поэтов уменьшалась, так что здесь, у Сюзи, мы были последними выжившими, как финалисты реалити-шоу. Мы сели за столик ужинать и, смеясь, болтали друг с другом несколько часов. Синтия всё восторгалась одним экстрасенсом, к которому обращались многие местные поэты, и, хотя меня никогда не интересовала эта тема, я написала ему на почту, как только добралась до дома, и запросила телефонную консультацию.

Пока мы ехали обратно, головная боль и тошнота мучили меня всё сильнее и сильнее. Большую часть ночи меня выворачивало, тошнило ужасно. Заснуть получалось только лежа на диване в темноте перед тихо работающим телевизором в попытках найти что-нибудь незапарное. Посмотрела начало «Дюны», но даже там была эта чудовищная гигантская голова в баке. Время от времени просыпалась и видела обрывок какой-нибудь сцены. Кайла Маклахлена в специальном костюме для пустыни, перерабатывающем телесные жидкости, чтобы он мог неделями обходиться без питья. Когда я проснулась снова, шел фильм про серийного убийцу детей, и я выключила телевизор.

Большую часть воскресенья я провела в кровати; тем временем под окнами публика стекалась на Ярмарку Фолсом-стрит, которая проходит в двух кварталах от моего дома. Я час говорила с экстрасенсом, которого порекомендовала Синтия, и да, я под впечатлением. Ко всему прочему он дал мне совет насчет тревожащего меня человека/положения, и после разговора мне стало гораздо спокойнее. Ближе к вечеру я зашла за готовой едой в магазин Rainbow Grocery, который тоже находится по соседству с Ярмаркой Фолсом-стрит, на случай если мне не захочется готовить. Там были посетители Ярмарки, и, хотя я привыкла к голым и полуголым телам на улицах Сан-Франциско, видеть их в магазине натуральных продуктов с маленькими пластмассовыми корзинками в руках было довольно дико. Вечером мы с Кевином ужинали со Стивеном Мотикой в Osha Thai на 3-й улице. Пока я пыталась определиться с заказом, Кевин и Стивен увлеклись сравнением книги Тима Дина о незащищенном сексе «Безграничная близость» (Unlimited Intimacy) и «Нет будущему» (No Future) Эдельмана, которое свелось к странному выбору между надеждой и отчаянием. Потом мы вернулись домой, посмотрели Mad Men и пошли спать. Спала я крепко, и теперь в моем мире нет ничего, кроме спокойствия, слабости, этого блога и котов. Сильвия подергивает вибриссами и лапками, как будто ей что-то снится, но глаза у нее полуоткрыты. Именно так я сейчас себя и чувствую: пальцы на клавиатуре подергиваются, отстукивая сон. Насыщенный сон, правда?

* * *

30/10/10

Невинность

У меня на холодильнике висит фотография семилетней меня, закрепленная магнитом. Я во дворе бабушкиного дома, на мне бабулина меховая шуба, шляпа, солнечные очки, украшения, белые перчатки, туфли на каблуках, я элегантно демонстрирую ее сумочку. Эта гетеронормативная игра приводит меня в восторг. За кадром – бетонный фонтанчик для птиц; мои старшие кузины украсили его разноцветными осколками бутылок и керамики. Там, где проходит граница между двором и дорожкой, растет ремень, который мы собираем, чтобы бабушка

уварила его с корицей и апельсинами. До того, как Shell Oil выкупила окрестные месторождения и мы начали переживать, что какая-нибудь цистерна с нефтью может взорваться и тогда оранжевое пламя до небес поглотит бабушку вместе с домом, отец собирал в полях дикую спаржу и бабуля готовила ее в сливочном соусе. Отцу нравилось любое блюдо со сливками: мы часто ели копченые мясные чипсы в сливках на тосте, которые, по словам отца, в армии называют дерьмом на корочке.

Мне нравилось проводить выходные с бабушкой и дедушкой. Дедушка был пьяницей и грубияном, но доставалось только бабуле. Иногда он брал меня с собой в ближайший бар, а порой мы просто смотрели телик и ели ананасовый щербет, посыпанный арахисовой стружкой. Бабушкина и дедушкина любовь необременительна, как беззаботный роман, – в противовес запутанной драме домашней жизни с матерью и отцом. Родители ладили, но мое детство на Оукдейл-авеню скорее напоминало несчастливый брак. Если перейти от метафор к реальной жизни, полагаю, сейчас у меня всё наоборот: беззаботный брак, несчастливый роман.

Эта фотография служит напоминанием о том, какой должна быть любовь – открытой и безусловной. Искрящаяся самость, полная принятия и благодарности улыбка тому, кто снимает. Радость взаимно любящего взгляда. Детскость, которая порой перетекает в инфантильность, – знаю, со мной непросто, но я всегда любила в открытую. К счастью, Кевин тоже. Я думаю о некрологе, который прочитала в интернете вскоре после смерти Кэти Акер. Его написал ее бывший лондонский любовник, которого Кэти обвиняла во всех смертных грехах и которого ненавидели все ее друзья, – но мне его воспоминания показались довольно трогательными. Он писал, как самозабвенно Кэти отдавалась прикосновению – подобно ребенку или животному. И это совсем не удивляет, если знать ее тексты, ее потрясающую способность подключаться к каким-то первичным, глубинным пространствам и перемещаться по ним, как по земле.

Меня сбивают с толку люди, чья любовь – сложное чувство, которое то выдается понемногу, то придерживается, чья любовь – это одержимость контролем. Люди, которые приносят так много боли, что в конечном счете тебе уже не важно, любят они тебя или нет, просто

хочется, чтобы эта боль исчезла. Последние две недели выдались тяжелыми, но мои друзья были на высоте: они слушали меня, были готовы предложить свою заботу и раз за разом говорили мне, что я достойна любви. Меня поразило, как много людей за это время сказали, что любят меня. Я не просила об этом, но моя потребность услышать эти слова словно висела в воздухе. Моей главной опорой стали Маркус, Бхану и Брюс. Но были и Донна, и Карен, и Крис. И, конечно, Кевин.

В последнее время я подолгу говорила с Брюсом Буном по телефону, а вчера, по-весеннему теплым вечером, мы встретились в Кастро. Брюс рассказывал, как писал новый пост в блоге и о своих отношениях с Джейми, который умер чуть больше года назад. Я навещала Джейми за несколько недель до его смерти, в последние выходные, когда он был в сознании. (После этого он словно превратился в призрачную фигуру, стонущую в кровати, пока Брюс и я сидели на кухне за чаем и ели моти.) Я принесла Джейми коробку трюфелей Joseph Schmidt и села у его постели. Он сказал, что звонил всем близким и говорил, что любит их. Он сказал, что мы недостаточно говорим людям, как сильно их любим, но осознание того, что он умирает, подарило ему эту возможность, так что это знание было своего рода благословением.

Вчера вечером, пока мы шли по 18-й улице, Брюс сказал мне, что его любовь к Джейми безусловна. И когда я не ответила сразу, он заметил вслух, что я сделала паузу. Я сказала, что не знаю, может ли человеческая любовь быть безусловной. Он сказал, что любит Джейми несмотря ни на что, а я ответила, что он и правда с ним через многое прошел. Брюс согласился: Джейми был наркозависимым. Мы поговорили о проблемах Джейми с наркотиками и о том, как его зависимость повлияла на жизнь Брюса. Он спросил, разве твоя любовь к Кевину не безусловна? Я ответила, что она, похоже, способна пережить что угодно. Но что, если бы Кевин изменился, если бы он стал ужасным человеком? Любила ли бы я его тогда? Я сказала, что заботилась бы о нем в любом случае. Мы согласились, что Кевин вряд ли изменится. Я спросила Брюса, любил бы он Джейми, если бы тот ему изменил? Брюс ответил, что это единственное, чего бы он не стерпел. Я спросила, почему это для него так важно, и он ответил, что не знает, просто это так. Мне нравится, когда люди не чувствуют необходимости рационализировать свои потребности. Затем мы заговорили об «Экстазе святой Терезы» Бернини, о том, как соблазнительно в нем сочетаются язычество и католичество, сексуальность и духовность. О том, как святая Тереза самозабвенно отдается. Подобно животному или ребенку.

1/10/10

Полученные изображения

Сегодня днем сходила на даосский массаж внутренних органов. Было много болезненной чувствительности от недомогания, от разбитого сердца. Как обычно, процедура погрузила меня в транс, и передо мной возникли образы прочной нити, по-прежнему соединявшей меня с человеком, от которого я удалялась. Потом я спросила Эрин, массажистку, что делать, если ты чувствуешь такую связь с другим человеком. Как отделиться? Она ответила, что каждое взаимодействие – это обмен энергией, иначе не бывает, и, чтобы не дать чужой энергии застрять внутри, нужно быть полностью ей открытой. Знаю, для многих моих читателей это слишком эзотерическая тема. Когда я говорю что-нибудь такое, Кевин закатывает глаза, но вот Маркус в восторге поддакивает. Эрин рассказала о знаменитом самурае XVII века, Миямото Мусаси. На сохранившихся изображениях он стоит с широко расставленными ногами, в обеих руках по мечу – открытая стойка, в которой он может легко двигаться и смотреть в любом направлении; стойка, в которой он может сразиться с десятью противниками одновременно. Открытость, которая позволяет энергии двигаться сквозь тебя и вокруг тебя. Я сидела на массажном столе скрестив ноги и слушала с восторженным вниманием ребенка, которому рассказывают сказку на ночь. Я мысленно вернулась к той нити: образ Миямото Мусаси говорит мне не сопротивляться, дать ей двигаться в своем темпе и своим путем. От этого я смягчаюсь, чувствую сострадание к другому человеку.

На неделе кто-то предложил мне посмотреть на изображения голодных духов. У голодного духа огромный раздутый живот и длинная тощая шея. Голодный дух не знает насыщения, но из-за тонкой шеи не может проглотить ни куска пищи. Это символ глубинных желаний, которые никогда не будут удовлетворены. Некоторые события – например, романтические отношения – могут пробудить этих духов, и тогда человека охватывает ужас перед желанием настолько непостижимым, что это невыносимо. Мне сказали, что подавить в себе духов невозможно, придется научиться взаимодействовать с ними. Думаю, тот, кто тебя действительно любит, будет терпелив и пойдет с тобой навстречу твоим голодным духам, а не станет насмехаться над тобой, как это недавно было у меня. Но тем человеком движут собственные голодные духи. Он напуган больше меня, я уверена. И я люблю в нем этот страх. Потому что это

говорит о его уязвимости, это нечто реальное, и для меня честь, что он настолько мне доверяет, что показался мне с этой стороны.

4/10/10

Дивные лесбиянки

В пятницу вечером по телевизору показывали «Мисс Март», бадди- / роуд-муви 2009 года. Одна из самых безвкусных, вульгарных, глупых, оскорбительных комедий, что я видела. Я не спала до двух ночи, досматривая вторую половину фильма. Самой интригующей для меня оказалась линия лесбиянок, которые подобрали на шоссе главных героев, автостопщиков Юджина и Тревора. Парни отчаянно пытаются добраться до Лос-Анджелеса, чтобы попасть в особняк Playboy. Юджин четыре года провел в коме и теперь хочет воссоединиться со своей школьной подругой, которая стала банни-герл.

Подъезжает машина, в которой сидят две красивые малышки со славянским акцентом – Вонка и Катя. Они сообщают, что они лесбиянки и не могут оторваться друг от друга. Девушки едут в Лос-Анджелес и хотят, чтобы за руль сел кто-то из парней, а они бы «занимались любовью, отлизывали друг другу и ебались всю дорогу» на заднем сиденье. Парни соглашаются, и лесбиянки занимаются страстным сексом, пока Тревор не въезжает в столб. Катя недовольно спрашивает: «У нас проблемы? Я чуть не укусила Вонку за половые губы». К концу поездки все привыкли: парни весело болтают, в то время как лесбиянки продолжают резвиться. На въезде в Лос-Анджелес Тревор кричит: «Лесбиянки, смотрите, пальмы!» Они ни разу не обращаются к девушкам по именам.

Позднее, уже в особняке Playboy, Тревор натывается в коридоре на лесбиянок, которые, конечно же, неистово целуются. Тревор отчаянно пытается попасть в одну из комнат, но все они заперты. Он обращается к девушкам: «Лесбиянки, помогите мне взломать замок!» Лесбиянки не хотят ему помогать, но Тревор рассказывает, что за дверью спальня и джакузи. Вонка становится на колени перед дверью с огромной замочной скважиной, высовывает свой дивный лесбийский язычок, и посасывает, и лижет замок, пока тот не щелкнет.

Лесбиянки настолько погружены во всепоглощающую инаковость желания друг к другу, что остаются невосприимчивы к мужскому взгляду. Сколько бы мужчины на них не пялились, сила их лесбийского желания ниспровергает этот взгляд, лишает его власти. Это желание естественно как погода, оно может застать их где угодно, повсюду. Это желание набрасывает на женщин защитный покров, под которым они видят лишь друг друга. Лесбийское желание наделяет Вонку сверхчеловеческой силой открывать замки языком. Чем больше эти женщины ебутся, тем сильнее они становятся; кажется, что они, со своим вампирским акцентом и упругими пухлыми губками, будут править миром. Парни обращаются к ним «Лесбиянки», потому что не смеют произносить их имена.

* * *

4/10/10

Вздрагивая от пристального взгляда

Закончив сегодняшнюю утреннюю заметку о дивном лесбийском ниспровержении мужского взгляда, я наткнулась на этот отрывок из последнего романа Джонатана Франзена «Свобода»:

За этим последовала пауза – губы приоткрыты, в глазах нахальный вызов; Люси выжидала, как будет воспринято ее присутствие – драма ее личности. Как это водится среди подобных дамочек, она полагала свою провокацию необычайно оригинальной. Кацу доводилось слышать подобные заявления, практически дословно, уже сотни раз, и теперь ему было немного неловко, что он даже не может притвориться, будто шокирован, даже из жалости

к мужественному маленькому эго Люси, охваченному неуверенностью, свойственной стареющим женщинам².

Из-за того, что роман переключается между несколькими точками зрения, я подумывала о том, чтобы задать его студентам, но, прочтя отрывок выше, решила – да ни за какие ебаные коврижки. Жестокость и высокомерие франзеневского восприятия женщины – рецензент подчеркивает, что Кац как персонаж наиболее близок самому Франзену, – поразительны. Женщины средних лет – такая легкая добыча, они должны ходить, потупив очи долу и свесив головы от стыда за собственную никчемность.

Вот sentimentalный образ архетипической мудрой старухи – пусть он перебьет злобное франзеневское видение. С луной, кроликом и змеей она выглядит самодостаточной, не так ли? Если тебя убажуют такие милые зверьки, зачем нужны мужчины? Когда я разговариваю со «стареющими женщинами» – гетеросексуальными женщинами, а не дивными лесбиянками, – я слышу, что некоторым хочется оказаться вне этого взгляда. Некоторым вовсе не хочется очаровывать мужчин, и оттого они чувствуют себя сильными, освобожденными, они могут направить свою либидинальную энергию на другие цели. Я сама проходила через это: ни одно желание к мужчине не сравнится с уравновешенной и сильной Доди – с какими бы мужчинами я ни общалась, я чувствовала, что всё под контролем.

Но недавно, несмотря на свое намерение никогда больше этого не делать, я связалась с гетеросексуальным парнем. Поначалу всё было круто, но расстановка сил постепенно менялась, и однажды я почувствовала, что со мной общаются как с капризным ребенком. В какой-то момент он сказал мне не намекать на свои желания, а заявлять о них вслух; и, поскольку Кевин тоже просил меня об этом, я подумала, что он говорит дело – и действительно начала прямо просить чего хочу. Большую часть времени он просто говорил нет – безо всяких объяснений, просто нет – или же остроумно парировал. Когда я сказала, что мне не по нраву такие бесцеремонные отказы, мое поведение назвали «категоричным и монархическим». Чем чаще он обращался со мной как с ребенком, тем ребячливее я становилась, и в какой-то момент на

² Пер. с англ. Д. Горяниной, В. Сергеевой.

меня нахлынула ярость, подарившая мне видение Старухи: это же пиздец! Я ушла – обратно к животным, Кевину и восхитительной квинности своего писательского/художественного мира.

ШЕЛ БЫ ТЫ НАХУЙ, ДЖОНАТАН ФРАНЗЕН!!

*** * ***

* Публикация из сердца *

9/10/10

Напоказ

Много думала о недавнем расставании известных в нашем экспериментально-писательском пузыре поэта и поэтессы, после которого поэтесса делилась своей болью в фейсбуке и блоге. А поэт несколько недель назад обновил в фейсбуке свой статус: «Неужели это надо выставлять напоказ?» Некоторые подхватили: как мелко решать личные проблемы публично! Видимо, расставания подобны смерти, старости, безумию – их полагается скрывать от посторонних глаз. Мне бы хотелось видеть больше возвышенного, грандиозного страдания на публике. Отношения между этими поэтами были довольно публичными, так почему бы и расставанию не стать таким? Взять хотя бы стиль, в котором многие из нас пишут, и сам наш круг – граница между частным и публичным давно размылась.

Джеки Вэнг недавно опубликовала в блоге пост под заголовком «Если встречаешься с писательницей, она о тебе напишет: безжалостная честность как перформативное письмо». Никто из нашего сообщества не сказал слов правдивее. Несколько месяцев я была в отношениях с очень закрытым человеком, который жутко боялся, что я о нем напишу. У него, похоже, есть склонность к саморазрушению: он ведь читал мои тексты, о чем он думал? Мои отношения с ним имели оттенок перформанса – в том смысле, что о нем знали еще несколько человек и они с нетерпением ждали новостей. Даже те, кто знал его имя, называли его Буддистом. Друзья спрашивали меня: «Как дела с Буддистом?», «Ты собираешься переспать с Буддистом?» Им было в радость услышать о ком-то не из нашего мира. Начни я встречаться с кем-то вроде Дэвида Буука, они бы только закатили глаза. Такое они видели уже миллион раз. И именно эта вовлеченность сообщества привела к тому, что в какой-то момент Дэвид решил: «Никаких больше поэтесс!» Серьезно, кому хочется перетрахаться со всей тусовкой? Никому, кроме самой тусовки.

Буддист подогревал мой интерес своей ужасной скрытностью: например, он слал мне соблазнительные письма, переходившие все границы, но не признавался, гетеросексуал он, гей или кто. Он говорил, что это не имеет значения, а для меня, напротив, это было очень важно. В конце концов он признался, что гетеро, и моя небольшая аудитория коллег-писателей жадно

смаковала эту деталь. Позже я объявила им, что у Буддиста есть партнерша – они с жадностью обсасывали и это. Затем я сообщила им, что вычитала в *New York Times*, что он женат! Это тоже пришлось им по вкусу. Затем он сообщил мне, что на самом деле они не женаты, он просто соврал, когда оформлял страховку. Эксклюзив! На самом деле ни один из его секретов не вызывал любопытства; это всё были банальности. Типичная изворотливость женатого изменщика. Буддизм придавал всему этому ауру таинственности, поскольку большая часть нашего онлайн-романа происходила во время его ретритов. Он был типа буддийский священник. Никогда бы не подумала, что ведущий ретрита будет сидеть в своей комнате, пить пиво и писать своей далекой подруге о том, как ему скучно и одиноко, – притом что его «партнерша» тоже на ретрите! И тем не менее я с нетерпением ждала его писем. Когда он приехал в Сан-Франциско, чтобы встретиться со мной, то отказался отвечать, каким рейсом прилетел, потому что не любит, когда люди знают, чем он занят, – моим друзьям особенно понравилась эта история. Утром в день нашей встречи он написал мне кучу странных агрессивных писем, очень неприятных. Уже вечером за ужином он объяснил, что чувствовал, будто обязан радостно предвкушать встречу со мной – а он не любит, когда его к чему-то обязывают, потому и написал. Он сказал, что ему тяжело управлять гневом. Что он печально известен своими трудными отношениями, потому что склонен замыкаться в себе. За несколько дней до его приезда я перечисляла Донне де ля Перьер его недостатки – после каждого пункта Донна восклицала: «Есть!» К концу списка мы сгибались пополам от хохота. Встретившись с ним в ресторане, я выскользнула в уборную, чтобы написать ей о своих первых впечатлениях.

Когда Буддист меня бесил, я выкладывала кусочки его писем в фейсбук. «Вот как Буддист смеется над тобой: „Твое самозабвенное сострадание достойно изумления, не так ли?“» «Вот как Буддист заканчивает оскорбительное письмо-нападку: „Да обретут все тела покой и легкость“». Люди лайкали их или оставляли комментарии. Я отправила особенно безумные отрывки из его писем знакомым писателям, чтобы узнать их мнение. Они поддерживали меня. Они говорили, что он ужасен. Они советовали избавиться от него.

Ариана Рейнс:

о доди, какой кошмар. не знаю всех подробностей, но он похож на нехудожника, вдохновленного твоими произведениями и необузданной эмоцией внутри, он думает что типа творит искусство играя с тобой в эти игры, потому что не станет же он рисковать своими чувствами не знаю. возможно он из тех кто может справляться с эмоциями лишь когда они поступают в каком-то обработанном виде. не нравится он мне. ну наверное ни к чему не обязывающий флирт это тоже некая техника доминирования, а поддразнивание + запирательство эротичны. до какой-то степени. и не для меня! ненавижу когда мне так ебут мозг, просто нет, ну или я превращаюсь в грубую садистку. думаю мне бы не хватило духу на такие игры, а может я слишком слаба для такого.

Ну конечно, всё закончилось плохо. Недавно я попыталась разрулить ситуацию с Буддистом. Полный провал. Брэдфорд Нордин о моих попытках: «Может, все эти ужасные переживания стоит направить в работу, чтобы душевная боль приносила пользу, становилась произведением? Оно уже написано (притом хорошо), так зачем ты прячешь голову в песок?» Брэдфорд имеет в виду недавно законченный рассказ/мемуар на тысячу слов под названием «Буддист», текст настолько непристойный, что краснеет душа. Тысяча слов звучит вполне достаточно; больше писать о нем – «по-настоящему» писать – у меня нет никакого желания. Мне нравилось работать сжато, придавая этой вульгарной и пустячной истории тонкость. Я даже придумала

сюжетную линию главного героя, как это делают в художественной литературе. Момент «сейчас» длится несколько минут, но содержание расширяется и вихрем выбирается за рамки, как будто «сейчас» – это центр торнадо, а всё остальное вертится вокруг. Меня всегда поражало: какой бы личной или болезненной ни была тема, за которую я берусь, в какой-то момент всё сводится лишь к поиску формы, а я превращаюсь в безумного биолога, который тяжело дышит себе под нос, прикалывая булавкой к картонке еще живую и трепещущую бабочку. Конечно, я думаю о Набокове. Стоит ли тысяча слов и компания, которую я развлекала целых пять месяцев, всей этой боли? И да, было и удовольствие. Я как будто попала в секту, странную нарциссическую секс-секту имени Буддиста. Ни за что бы от этого не отказалась.

* * *

11/10/10

Слабость вопреки

Недавно выложила в фейсбуке цитату Октавио Паса: «Когда общество делает всё, чтобы обезличить нас, что не так с сильным, сведущим, ответственным „я“, плачущим в темнеющей глуши?» Нада Гордон возразила мне: «А что не так со слабым, невежественным, безответственным „я“?» Критика Нады к месту: признавать, что нужно быть сильными, сведущими или ответственными, чтобы иметь право высказываться, означает принимать риторику западного капитализма, отрицающего инаковость и подавляющего целые пласты человеческого опыта. Вот к чему я вела в посте о выставлении чувств напоказ и возвышенном страдании: демонстративное принятие собственной уязвимости и разьебанности, смущающее и оскорбляющее всех блюстителей нравов, – мощная феминистская стратегия. Писательство – тяжелая работа, я не понимаю, как можно писать с позиции слабости. Иногда я могу начать с этого, но акт присвоения слов ставит меня в позицию силы. Отрицание поведения или переживаний, которые считаются слабыми или «феминными», – это не феминизм и не квир, это гетеронормативность до мозга костей. Как и Кэти Акер, я желаю трепетать и наводить ужас в едином вдохе.

В посте о квир-негативизме в творчестве Джудит/Джека Халберстама Джеки Вэнг использует фразу «гегемония счастья»:

Для меня этот вопрос сводится не к выбору между надеждой и цинизмом, а к тому, чтобы найти способ противостоять этой тенденции к нормализации с позиции привилегированной аффективной реакции / привилегированного отношения. Это вызов гегемонии счастья, которая вежливо называет сумасшедших, злых, разьебанных этим миром людей недостаточно полноценными, чтобы функционировать в мире или быть его частью.

Когда я прочла пост Вэнг, выражение «гегемония счастья» закрутилось в моей голове как мантра. С тех пор, как я пишу книгу о воззрениях и субкультуре нью-эйдж – и с тех пор, как мне приходится иметь дело с жаргонизмами Буддиста (например, «пространственность») всякий раз, когда мы ссоримся, – от упоминания покоя, счастья, бескорыстия и любого другого «позитивного» свойства как горшочка с золотом в конце духовного/терапевтического пути меня тянет блевать. Я не хочу быть несчастной. Но я хочу принять разьебанность, двигаться к такой зрелости и такой силе, которые подразумевают выражение слабости и непристойного содержания любого толка без стыда; хочу позволить себе всю звучность бытия женского субъекта (и любые другие категориальные прилагательные, которые ко мне можно применить), живущего в разьебанной стране, в разьебанном мире, в XXI веке. Пускай каждая из нас станет

головой единого квир-создания, которого Джудит Халберстам называет «чудовищным существом, противостоящим глобальному капитализму»:

Нам нужно выработать квир-программу, которая устроила бы множество голов чудовищного существа, противостоящего глобальному капитализму, и определить квирность как способ совместной выработки альтернативных решений. Эти решения, не продиктованные либеральным представлением о прогрессивном праве на некие блага, должны составить суть квир-политики, не привязанной к нигилизму, который всегда настроен против женщин, домашнего уюта и воспроизводства. Вместо этого мы обращаемся к истории альтернативных решений, актуальным эпизодам альтернативной политической борьбы и разнообразным культурным продуктам эксцентричного, своенравного, чрезмерного и совершенно доступного квир-негативизма. Если мы хотим совершить антисоциальный поворот в квир-теории, мы должны быть готовы выйти из зоны комфорта вежливого диалога, чтобы проникнуться по-настоящему политическим негативизмом, который позволит – на этот раз – потерпеть неудачу, устроить беспорядки, всё проебать, быть громкими, непокорными, невежливыми, породить неприятие, громить в ответ, говорить громко и открыто, разрушать, убивать, шокировать и уничтожать и, цитируя Джамайку Кинкейд, делать всех чуть менее счастливыми!

– Джудит/Джек Халберстам, Антисоциальный поворот в квир-исследованиях

Подобно дивным лесбиянкам в «Мисс Март», радикальное письмо должно действовать наперекор гетеронормативному взгляду.

На этой фотографии я, по мнению Буддиста, веду себя «категорично и монархически».

Раз за разом одна высокомерная учительница за другой писали в моей школьной ведомости: «Дорис плохо себя ведет». Эти комментарии порождали во мне стыд и становились причиной угроз со стороны матери, которая требовала прекратить дуть губы и начать вести себя прилично. Но прочтя Халберстама, я начинаю гордиться юной, хмурой Доди за ее протест против собственного бесправия уже в раннем возрасте, за то, что она такая «шумная, непослушная, грубая» маленькая девочка.

13/10/10

Движение вперед

Или же движение сквозь. Последнее время излишняя эмоциональность просачивалась сквозь строчки, и теперь меня всё время спрашивают, в порядке ли я. Люди пишут Кевину аж из Франции, чтобы узнать, всё ли у меня хорошо. Со мной всё в порядке, даже более чем, чувствую себя замечательно, сегодня был прекрасный день, на мне была клетчатая ковбойская рубашка из тонкого хлопка, которую я купила в Old Navy; обычно я не ношу ковбойские рубашки, но эта была серая с персиковыми и желтыми акцентами, а внутри – в серую клетку виши, которую видно, если закатать рукава, с перламутровыми кнопками, я не смогла устоять, тонкая ткань напомнила мне о студенческих временах, когда я носила тонкие хиппарские рубашки, золотистый пуловер с квадратным вырезом и еще синий такой же, и меня унесло в теплые дни в колледже Индианы, и особенно вечера, когда становилось прохладнее; я была в центре Сан-Франциско – в районе Саут-оф-Маркет, но это всё еще центр, здесь высокие здания и много машин, – и меня переполняли осязаемые воспоминания о ясных и спокойных вечерах в Индиане, упоении собственной молодостью и прогулками по тенистым улицам, казалось, что настоящее и прошлое одинаково реальны и воспринимаются тоже одинаково, накладываясь друг на друга; это был один из тех ценных моментов, когда думаешь, *жизнь бьет ключом*, но как-то неловко в этом признаваться.

В пятницу и субботу, когда я в последний раз общалась с Буддистом, он вел себя странно, холодно и параноидально, ни капли сострадания или доброты, не смягчился ни на миг – меня это поразило. Говорят, если у тебя есть коты и они дружны, то когда один из них умрет, второй, увидев мертвое тельце, отодвинется от него, пройдет мимо, забудет своего товарища, так и здесь: всё, что у меня с ним было, напоминало мне дохлую кошку; мысль оказалась полезной, я начала испытывать отвращение, и это хорошо. Не чувствую ни злости, ни обиды, просто отодвигаюсь подальше от этого мертвого существа. Конечный результат – чувство ясности, способность смотреть на то, что находится прямо перед моим носом, и взаимодействовать с этим; а перед моим носом так много прекрасного, так много прекрасных людей. Я довольствуюсь малым: просто сидеть на диване, обнимать котов – и я уже счастлива; валяться на диване с Кевином и смотреть Glee – и я счастлива; читать работы студентов – и я счастлива.

От медитации я тоже счастлива, хотя это и не цель медитации, но, думаю, я счастлива оттого, что могу медитировать, пусть это и ассоциируется с Буддистом, – ведь как теперь смотреть на духовность, когда побывала в руках настолько травмированного учителя, профессионального буддиста? Но я поняла, что он всего лишь человек, переживающий собственный кризис, это не имеет ничего общего ни с духовностью, ни с буддизмом, наверняка есть и более травмированные учителя, к тому же, я не была его ученицей, и давайте не будем с водой выплескивать ребенка и всё такое. Бхану Капил очень помогает мне выговориться – спасибо, Бхану! – и я знаю, что когда я сажусь медитировать, то делаю это ради процесса, точка. Я бы ни за что на свете не хотела быть духовным учителем; преподавать творческое письмо – уже достаточно ответственная задача, которая научила меня, что в преподавание нужно вкладывать душу, иначе ничего не получится.

Так что если вы из тех, кто переживает, не стоит беспокоиться. Давайте лучше поговорим о другом; например, о том, что я нашла на ютубе «Белую розу» Брюса Коннера, фильм 1967 года о попытке вывезти картину Джей Дефео «Роза» размером 11 × 8 футов и весом в тонну из ее квартиры на Филмор-стрит после того, как художницу выселили в 1965 году. Картина была настолько громадная, что грузчикам пришлось сломать часть стены и воспользоваться вилочным погрузчиком.

Я годами мечтала посмотреть этот фильм, но не думала, что он окажется настолько красивым: меланхоличный, но торжественный саундтрек Майлза Дэвиса, роскошные черно-белые кадры, парни в черных костюмах (кому придет в голову надеть костюм, чтобы таскать картину?), грузчики в белых комбинезонах; я росла в пятидесятых, но не знала ни одного мужчины, который носил бы костюм, меня явно воспитывали среди белых комбинезонов. А Джей Дефео, такая беззаботная и молодая, то прохлаждалась на пожарной лестнице, то курила, сидя в пробоине в стене, то лежала на своей картине – интересно, она воспринимала картину как мертвое существо или живое? После переезда она продолжила работать над ней, попивая бренди и смоля «Голуаз», – так что думаю, она считала картину по-прежнему живой. Даже время в этом фильме кажется лениво-растянутым, как если бы мы все пробили дыры в своих стенах и болтали ногами в белых туфлях и жизнь была бы прекрасной и полной и длилась долго-долго.

* * *

15/10/10

Личные ритуалы

Еще одна короткая стычка с буддистом вчера и сегодня. (Сюзанна Стайн написала: «Думаю, нам стоит его понизить до строчной буквы», – и я принимаю ее предложение.) Наши

отношения всё еще напоминают мертвое существо. Вспоминаю, как умирала моя мать: сразу после смерти ее шея начала чуть подрагивать, как будто под кожей сновали животные. Так же и с буддистом: подрагивания мускулов мертвого существа напоследок. Я устала писать о нем. Когда «Новый нарратив»³ только набирал обороты и мы все хотели оказаться в текстах друг друга, я ныла Кевину: почему ты не пишешь обо мне? А Кевин говорил, что не пишет обо мне, потому что писательство – это экзорцизм, а он не хочет меня изгонять. Писать о буддисте было похоже на экзорцизм, но то время прошло – больше в моем блоге не будет никакой мыльной оперы, пора возвращаться к случайным проблескам опыта и наблюдения.

Всё произошедшее помогло мне осознать границы мышления и анализа, на которые натыкаешься, пытаешься оправиться от эмоциональных/душевных проблем. В какой-то момент я поняла, что рациональность не спасает. Я снова и снова думала обо всех его поступках, своих поступках, напоминала себе о его отрицательных качествах, подавляла воспоминания о заботе и удовольствии, которые я потеряла, но всё без толку. Поэтому я обратилась к ритуальному и иррациональному – и это мне очень помогло, это глубочайший опыт, которым, впрочем, я не могу поделиться, потому что в тайне есть какая-то сила, сгусток энергии. Расскажи я о своих обрядах, их магия бы рассеялась. Айлин Майлз рассказывала, как однажды перед публичными чтениями – всех деталей, увы, не помню – она прочитала отрывок, предназначенный для сцены, кому-то еще, так что когда пришло время выступить, нужный настрой исчез и получилось пресно. Когда я в процессе работы над текстом, мне не нравится рассказывать о нем: мне нужны моногамные отношения с текстом, нужно быть влюбленной в него и находиться с ним в одном пузыре. А когда я заканчиваю работу, я отправляю текст нескольким друзьям по имейлу – это письмо и есть настоящая публикация, публикация из сердца, позволяющая этим немногим попасть внутрь пузыря, пока текст свеж, а мое отношение к нему чисто и уязвимо. Затем следуют другие публикации, но ни одна не имеет того же значения, что этот первый обмен. С каждым следующим изданием от оригинала остается всё меньше: возможно, он

³ New Narrative – экспериментальное движение в американской литературе, выросшее из встреч и семинаров в книжном магазине Small Press Traffic в Сан-Франциско в конце 1970-х. В противовес «Языковой школе», «Новый нарратив» видел ценность в передаче субъективного авторского опыта. Такому письму свойственно осознание физического пространства, метатекст, поэтические стратегии, применяемые к прозе, обращение к критической теории наряду с использованием автобиографического материала и сплетен.

окажется в периодике, затем – в каком-нибудь моем сборнике, а некоторые тексты попадут в антологию, полностью лишившись своего первоначального контекста.

Похожий трепет я испытываю, когда читаю новые тексты вслух перед сообществом местных писателей, и иногда предстоящие чтения становятся для меня своего рода дедлайном – я переняла эту привычку у Сидара Сайго. В прошлом марте я должна была участвовать в совместных чтениях с Крисом Мартином у Джейсона Морриса, но ужасно простудилась, а еще так вышло, что я купила кровать и диван. В четверг вечером старые кровать и диван оказались на улице в ожидании мусорщиков, а новую мебель должны были привезти лишь в субботу, так что на пару ночей матрас заменил нам с Кевином и диван, и кровать. Это было забавно: мы словно вернулись в студенческие времена, когда друзья, приходившие в гости, заваливались на кровать и слушали музыку. Мне становилось всё хуже, я чихала, выглядела ужасно, меня знобило, но я устроилась полулежа на этом матрасе и лихорадочно писала, готовясь к чтениям. Я закончила в пятницу к ужину, Кевин просмотрел текст и предложил несколько правок, и я быстро его отредактировала. Тем вечером в гостиной Джейсона в полуобморочном состоянии я облокотилась на стойку и, сморкаясь, прочитала текст перед аудиторией из примерно двадцати человек. Это было восхитительно, текст казался мне таким живым, что чуть ли не светился на странице. Я подавала текст с необычайной нежностью и волнением. Между мной и слушателями была такая связь, которую я обычно не чувствую во время чтений, как будто все они были моими близкими, моими людьми – даже те, кого я видела впервые. Что бы я ни делала с этим текстом в будущем – ничто не сравнится с его сопливой инициацией.

15/10/10

Поток гардений

Сажу с компьютером в кровати в новых черных бархатистых джинсах скинни, в которых я выгляжу вовсе не скинни, в них нет карманов, но когда я в этих джинсах стою, я всё время пытаюсь засунуть руки в карманы, как будто привычка к тому, что карманы есть, важнее их фактического отсутствия, это напоминает мне мою сегодняшнюю унижительную тоску по буддисту, и хотя буддиста для меня больше не существует, я убеждаю себя, что лучше так, чем вытеснять или отрицать свои чувства, но звучит не очень убедительно, вряд ли он тоскует обо мне, похоже, в расставаниях он знаток, словно для него это что-то естественное или он просто часто расстаётся, наверное, тоска – это не так плохо, это делает меня добрее к людям, добрее к нему, но на это я не решаюсь, еще на мне трикотажный топ небесно-голубого оттенка, единственная небесно-голубая вещь в моем гардеробе, поскольку это не мой цвет, но выглядит терпимо, потому что оттенок достаточно яркий, чтобы не казаться пастельным, такое надела бы моя мать, этот оттенок ассоциируется у меня именно с ней – поэтому примеряя топ утром, я словно примеряла ее саму. Через две недели будет третья годовщина ее смерти, и воспоминания о ней тоже пробуждают во мне тоску – не такую, какую я испытываю по буддисту, эта тоска глубже и менее сложная: просто тупое желание крепко зажмуриться, а открыв глаза, снова увидеть, что она жива, что я могу взять трубку и услышать, как она говорит, что любит меня. Возможность взять трубку и услышать, что кто-то тебя любит, – это счастье, его не стоит принимать как должное, но по-другому не выходит.

Я нарисовала темно-сливовыми тенями и чувствую себя Симоной Синьоре, недавно смотрела с ней два фильма, «Путь в высшее общество» и «Корабль дураков» – раньше я видела только куски из «Корабля дураков», и это самое невероятное переигрывание на моей памяти, но Синьоре там просто потрясающая, я обожала ее в детстве и до сих пор обожаю – за ее плотскую чувственность; это женщина, которая глубоко любит и глубоко страдает, такая открытая и уязвимая, но при этом земная, не пресыщенная жизнью, готовая выжать из мира еще хоть каплю удовольствия.

Я бы хотела, как Бхану Капил, увидеть, как из моего тела струятся цвета, но у меня не получается, я бы хотела, чтобы мои предложения закручивались в удивительные экстагические спирали, как у нее, но у меня так не выходит. Когда мне делали даосский массаж внутренних органов, я испытала два больших энергетических выброса, когда выходишь из транса с резким вдохом и жадно хватаешь ртом воздух, и после первого же вдоха я отчетливо ощу-

тила запах гардений, хотя в комнате цветов не было. Потом, раз уж я оказалась в центре, я купила гардению в цветочном киоске напротив Masy's, я покупаю там гардении с конца семидесятых, с тех пор, как переехала в Сан-Франциско, и, конечно, гардении напоминают мне о Билли Холидей, что в свою очередь напомнило мне о начале восьмидесятых, когда экспериментальные поэтессы-феминистки увлекались Билли Холидей и Фридой Кало. Сильные эмоции и страдания были для экспериментальных феминисток неприемлемы: если мы обращались к такому накалу в поэзии, его нужно было зашифровать, пропустить через голову, нам полагалось писать умно и фрагментированно, а Холидей и Кало были отдушиной, возможностью насладиться прямоотой и чистой эмоцией. Думаю, во многом это было приемлемо еще и потому, что они не были белыми и не были писательницами; скажем, признаться в симпатии к Сильвии Плат было зазорно, она отвечала за плохие эмоции, плохое страдание, а вот если включить альбом Билли Холидей, ты считалась модной экспериментальной феминисткой; Холидей и Кало были жертвами, а Плат – Плат была сама виновата. И всё же мне нравилась Плат, и я тоже обращалась к чистым эмоциям в своей поэзии, я была до неприличия прямолинейной и нефрагментированной, и да, мои тексты считали тупыми, я подводила глаза слишком густо, говорила слишком громко и не упускала возможности поебаться. Я была плохой экспериментальной феминисткой.

16/10/10

Сердце словно камень, брошенный в море

Сегодня утром снова думала о своем круге молодых, преимущественно белых (хотя моей лучшей подругой среди них была Эванджелин Браун, юристка мексиканского происхождения) экспериментальных поэтессы-феминисток, обращавшихся к черным блюз-исполнительницам, чтобы удовлетворить потребность в эмоциональном порно. В начале восьмидесятых большинство из нас еще не публиковались или только начали публиковаться, многие учились в Калифорнийском университете в Сан-Франциско, где знакомились с той разновидностью феминистской теории, которая не была привязана к репродуктивным правам, истории женского угнетения или сексистской репрезентации женщин. Новый феминизм был связан скорее с символическим порядком и максимой «не дай мужчинам-поэтам „Языковой школы“⁴ захватить твоё мышление», иными словами, это был академический феминизм, который предполагал, что написание несвязной поэзии, которая ставит на первый план собственную сложность, каким-то образом должно освободить нас от ужасов логоцентризма.

Билли Холидей, с ее владением голосом и джазовой утонченностью, была у нас гораздо популярнее Бесси Смит. Бесси Смит же, с ее всепроникающей телесностью и аурой беззащитного уничтожения, была не для слабонервных. Бесси Смит, в отличие от Билли Холидей, не позволит тебе комментировать ее вокальную технику, вертя в руке бокал мартини; Смит погружает тебя в омут потери и трудных времен. Мы с Эванджелин обожали ее. Мы улетали чимичанги в Roosevelt's Tamale Parlor, восхищаясь гением Смит и рассказывая друг другу интимные подробности своей жизни. Эванджелин владела двумя домами в Рокридж, а я жила от зарплаты до зарплаты, но наша приверженность феминизму, поэзии и чувственности сближала нас.

⁴ Language poets, также Language School – авангардное направление в американской поэзии конца 1960-х – 1970-х, сформировавшееся вокруг журнала L=A=N=G=U=A=G=E. Поэты «Языковой школы» выдвигали на первый план материальность и самодостаточность означающего и отрицали, что в стихотворении находит выражение личный опыт автора.

Сегодня утром смотрела на ютубе, как Бесси исполняет St. Louis Blues. Мне показалось любопытным, как этот видеоклип подрывает кинематографические каноны внешнего/внутреннего – хотя, может быть, в 1929 году эти каноны еще не устоялись. Большая часть моих знаний об истории кино сформировалась благодаря просмотру фильмов на канале Turner Classic Movies вместе с Кевином, который выкрикивал что-нибудь в духе: «Для съемок этого фильма ее одолжили у Warner Brothers!» Он заворуженно следил за махинациями голливудских киностудий, покупавших и сдававших в аренду звезд словно гламурный скот. Клип начинается с того, что Смит лежит на полу спальни, выглядит она очень жалкой. Она садится, делает глоток виски и начинает петь: «У моего мужчины сердце словно камень, брошенный в море»⁵. Она пропевает эту строчку снова, а потом мы наплывом переносимся в место, похожее на бар при отеле, где она повторяет эту строчку еще пару раз, затем камера снимает публику/хор и, наконец, ансамбль, который начинает играть. Сложно определить хронологическую связь между лежанием на полу и сидением в баре – Смит одета в ту же одежду; возвращаемся ли мы в начало вечера, или это происходит позже, или же это фантазия? Кто его знает. Как только публика/хор обращает внимание на Смит, согласно нынешним канонам музыкальных номеров, всё действие должно прекратиться: весь зал должен сосредоточиться на пении Смит и активно вовлечься. Но зрители остаются безучастными, их тела, их выражения лиц бесстрастны. Когда камера отдаляется, даже не заметно, что они поют, – лишь на некоторых крупных планах мы видим, как у них шевелятся губы. Официанты бегают с подносами, посетители проходят перед камерой, иногда закрывая саму Смит, а бармен слева продолжает говорить с кем-то за кадром, иногда подозрительно на нее поглядывая, словно та – сумасшедшая пьяница, сидит за стойкой и говорит сама с собой. Смит повернулась спиной ко всем: бармену, хору, зрителю. Болезненное одиночество в этом видео не отпускает ее ни на мгновение. Поддержка, которую мы ждем от хора, оказывается какой-то недофантазией. Эта особая покинутость Смит вихрем втягивает зрителя в его собственное чувство покинутости; ее тело качается туда-сюда, словно ничто больше не способно удержать его прямо, взгляд Смит обращен внутрь, точно запертый в мире песни, и в конце она настолько слаба и пьяна, что ей приходится подпереть рукой голову. От видео мне становится неловко, словно я за кем-то подглядываю: атрибуты кинематографической фантазии исчезают, и Смит выставляет напоказ интимную сторону своих страданий, прямиком из глубины, которая не имеет ко мне отношения, на которую я не имею права смот-

⁵ My man's got a heart like a rock cast in the sea (англ.).

реть. Конечно, мне видится в этом образец, которому я могу следовать в писательской практике, – искусно созданная тайна непосредственного, которая заманивает читателя в чувство глубокого дискомфорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.